

УДК 008:39(5-015)
DOI 10.18101/2306-753X-2015-3-42-59

© Н. В. Абаев

Тэнгрианство, митраизм и общие этнокультурные истоки туранско-арийской цивилизации Центральной и Внутренней Азии

В данной статье рассматривается вопрос о роли митраизма, как одной из древнейших ветвей религии западных ираноязычных ариев, тэнгрианской религии тюрко-монголов в формировании арийско-туранской цивилизации Внутренней и Центральной Азии. Автор считает, что именно кочевнические (номадические) прототюркские и протомонгольские народы, сыгравшие важную роль в распространении митраизма в западной части Евразии (в частности в Европе), сумели переработать и трансформировать религию древних ираноязычных ариев, существовавшую до зороастризма (т.е. «традиционный маздаизм» – от имени верховного божества Ахура-Мазды), в соответствии с религиозно-культурными традициями евразийского кочевничества, преобразовав одно из его самых своеобразных направлений – митраизм до такой степени, что он практически стал самостоятельной религией, тесно связанной с древними воинскими культами тюрко-монгольских пастушеских народов и с тюрко-монгольской формой тэнгризма, как религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Ключевые слова: митраизм, религия ариев, тэнгрианство, кочевническая цивилизация Евразии, героический эпос Гэсэр (гэсэриада), Ахура-Мазда, воинские культы, тюрко-монгольская форма тэнгризма, арийско-туранская цивилизация, древне-болгарская религия «Тангара», тангаризм, Мадарский Всадник, тэнгрианство, кочевническая цивилизация Евразии.

© N. Abaev

Tengrianism, mitraism and general ethno-cultural roots of Turanic-Aryan civilization of Central and Inner Asia

This article discusses the role of Mithraism as one of the oldest branches of the religion of the western Iranian-speaking Aryans, tengrianskoy religion Turko-Mongols in the formation of the Aryan-Turanian civilization Inner and Central Asia. The author believes that it is nomadic (nomadic) and proto-Turkic protomongolskie nations played an important role in the spread of Mithraism in the western part of Eurasia (particularly in Europe), were able to process and transform the religion of the ancient Iranian-speaking Aryans existed before Zoroaster (ie the “traditional Mazdaism” – the name of the supreme deity Ahura Mazda), in accordance with the religious and cultural traditions of the Eurasian nomadic, transforming one of its most unique destinations - Mithraism to such an extent that it practically became an independent religion, closely connected with the ancient cult of military Turko-Mongolian pastoral peoples and the Turko-Mongolian form tengrizma as a religious foundation Aryan-Turanian civilization.

Keywords: Tengrian national religion, nomadic civilizations of Eurasia, the epic of the Gesar (Geseriada), Ahura Mazda, warriors cults, the Turko-Mongolian and Bulgarian religion of Tengrism, Aryan-Turanian civilization, the ancient religion of proto-Bulgarians. The Madara Horseman, Tengrian national religion, Aryan-Turanian civilization.

Яркой особенностью евразийской цивилизации был синкретизм религиозных верований и культов, присущий не только народной этноконфессиональной традиции тюрко-монголов, создавших *туранскую* цивилизацию, но и национально-государственным религиям, в том числе тэнгрианству, которое играло роль доминирующей этноконфессиональной традиции центральной части Евразии и во многом определившей ее духовно-культурное развитие. Столь характерный для этой цивилизации религиозный синкретизм был, прежде всего, обусловлен самой синкретической природой этой цивилизации, которая по своей сути представляла собой глобальную Мегацивилизацию, вобравшую в себя великое множество этнокультурных традиций и цивилизационных культур, религиозных и философских учений, а также духовно-практических систем.

Вместе с тем, в центральной части Евразии, т.е. во Внутренней и Центральной Азии, религиозный синкретизм имел особенно глубокие и разнообразные этнокультурные истоки, поскольку изначально движущей силой развития именно центрально-евразийской цивилизации стало взаимодействие двух родственных, но во многом противоборствующих цивилизационно-культурных и этноконфессиональных общностей, условно называемых «Иран» (западная и центральная часть Азии, населенная ираноязычными народами, исповедующими так называемую *религию ариев*, имея в виду ту ее ветвь, которая первоначально сложилась на основе авестийской традиции) и «Туран» – центральная и восточная часть, в основном населенная тюрко-монгольскими и финно-угорскими народами, которые исповедовали различные этнокультурные формы и вариации тэнгрианства.

При этом происходило взаимодействие и синтез этих двух этноконфессиональных и цивилизационно-культурных традиции как друг с другом и иными столь же развитыми учениями (даосизм, индуизм, буддизм и др.), так и с архаическими, ранними формами религии не только самих тюрко-монголов, но и подчиненных этносов и этнических групп. В виду этого представляют особый интерес процессы взаимодействия тюрко-монгольского тэнгрианства с митраизмом, который представлял собой наиболее динамичную ветвь религии ираноязычных ариев, известную под названием зороастризм. В отличие от зороастризма митраизм с самого начала не только не замыкался в своих этнокультурных рамках, но и получил распространение на огромной территории Евразии от Тихого до Атлантического океанов.

Примечательно то, что эти две цивилизационные культуры – «арийская» и «туранская» - первоначально выделились из единого «туранско-арийского» цивилизационного ядра, сложившегося в глубокой древности на основе общей номадической (кочевнической) цивилизационной платформы, разделившейся в результате грандиозного геополитического расколов «Иран - Туран». В своей монографии «Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-

монгольских народов» [Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005] мы уже отмечали, что начальные этапы формирования номадической арийско-туранской общности можно примерно ограничить периодом 15-12 тыс. лет назад; в тот же период начинается формирование тэнгрианства и его различных этнокультурных вариаций, в том числе Саяно-Алтайской «Белой Веры» (Ак-Чаяан); примерно в то же время начинается и экспансия первых пастушеских племен прототюрков, прамонголов и скифо-ариев из горно-таежной зоны Урало-Алтая в более степные и пустынные зоны Евразии, где они полностью переходят к классическому номадному скотоводству, т.е. «кочевой» (точнее, кочевнической) цивилизации, распространяя по всей Евразии и ее окраинам различные локальные и региональные ответвления тэнгрианства как мировой религии [см. также: Абаев, 2007].

Культ Митры, существовавший в древнейшей синкретической религиозно-мифологической традиции индийских и иранских *ариев* до их разделения, в результате взаимодействия с кочевническими этносами центральной части Евразии и с тибетцами, трансформировался в особое религиозное направление, которое оказало огромное влияние на национальную религию прототюркских народов и прамонголов, фактически став народной этноконфессиональной традицией гуннов-хунну, древних тюрков, бурят-монголов, уйгуров и др. При этом огромную посредническую роль в этом процессе сыграл героический эпос кочевнических народов Центральной Азии, в частности эпос Гэсэр, который получил распространение, как у древних тибетцев, так и у предков бурят-монголов и тувинцев. В результате этого Гэсэриада стала подлинным первоисточником тэнгрианско-митраистского мировоззрения и подобно Библии или Корану сыграла роль Священного Канона, в котором в особой мифо-поэтической форме отразились религиозные, философские, этические, космологические и психологические принципы древнейшей религии ариев, тюрко-монгольского тэнгрианства, тибетского Бон и древнеболгарской религии Тангара.

В древнейшей индо-иранской мифологии культ Солнечного Бога Митры был тесно связан с еще более архаическим культом Небесного Быка, который на Ближнем Востоке претерпел длительную эволюцию от Лунного Быка до Солнечного Быка. В Авесте светоносный Бог Солнца и военной победы, а также «Хранитель» верности договору и дружеской клятве, Митра почитался как «Податель Света». «Митра означает в Авесте «верность, клятва» (как в санскритск. *митрам* – друг); поэтому отношение к Митре в Авесте однозначно с сохранением верности или клятве» [Шантепи де ля Соссей, т. 2, с. 168]. В последние века до нашей эры в рамках традиционномаздаистской ветви религии ариев, в которой верховным божеством был Ахура-Мазда (бур.-монг. Хормуст-Тэнгэри; алт. Корбустан; тув. Курбусту) формируется самостоятельная религия, получившая название «митраизм» или, иначе, «митризм», получившая распространение в эллинистическом

мире, а со II-го века нашей эры – по всей Римской империи вплоть до её самых западных окраин – Испании и Британии [см.: Аверьянов, Абаев, 2015; см. также: Абаев, 2015].

Об очень архаических тотемических корнях самого имени «Митра» и воинского титула багатур свидетельствует корнеслово «тур», обозначающее дикого быка, который был обожествленным тотемным предком скифо-ариев и гуннов, а затем стал божеством-покровителем воинской касты, а также военизированных тайных религиозных обществ надэтнического (межплеменного, «общенационального») характера, в которых практиковались особые эзотерические (т.е. недоступные для непосвященных) культы сугубо военных божеств и специальные, «секретные» приемы и методы ведения рукопашного боя, искусство стрельбы из лука и фехтования и другие военно-прикладные искусства.

Наряду с культом Митры, тесно связанным с тюрко-монгольским культом героя-багатура, большое распространение среди членов тайных военных союзов и обществ как восточных скифов и других ираноязычных номадов центра Евразии, так и тюрко-монголов, получил специфический воинский культ огнедышащего Небесного Змея-Дракона. В свое время еще Г. Н. Потанин, характеризуя одно из верховных божеств алтайцев – Кайракан (тув. Хайыракан), популярные у многих других тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая, Центральной и Северо-Восточной Азии (тувинцев, монголов, бурят, калмыков, саха-якутов и др.), как небесного бога-громовника [Г. Н. Потанин, 1881, с. 37-325], отмечал, что камлание с бубном есть «представление грозового явления, звуки барабана есть подражание небесному грому» [Г. Н. Потанин, там же, с. 37].

Примером изначально присущего туранско-арийской цивилизации религиозного синкретизма является религия центрально-азиатских предков болгар – «тангараизм», который был их национально-государственной религией до прихода в Восточную Европу и на Балканы, о чём наглядно свидетельствует символика Мадарского Всадника [подробнее см.: Абаев, 2015, с. 44-47]. Именно протоболгары, сыгравшие важную роль в распространении митраизма в западной части Евразии, в частности в Европе, сумели переработать религию древних ираноязычных *ариев*, существовавшую до зороастризма (ее называют еще «традиционным маздаизмом») - от имени верховного божества Ахура-Мазды) в соответствии с религиозно-культурными традициями евразийского кочевничества, преобразовав одно из его самых своеобразных направлений – митраизм до такой степени, что он практически стал самостоятельной религией, тесно связанной с древними воинскими культами тюрко-монгольских пастушеских народов и с тюрко-монгольской формой тэнгризма-тангризма, как религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Как мы уже отмечали, древние болгары, которые были легитимными во всех отношениях наследниками арийско-туранской цивилизации, смогли сохранить и донести до Европы не только свою национальную религию *Тангара*, представлявшую собой органичный синтез тюрко-монгольского *тэнгризма* с кочевническим митраизмом, но и другие достижения шумерской, бактрийской, согдианской, среднеазиатской эллинистической и скифо-сибирской, арийской цивилизации, как например, календарь, астрономию, астрологию, руническую письменность, традиции кочевнической политической культуры и государственности, но самое главное – митраизм [Абаев, 2015], первоначально возникший в архаической индо-иранской традиции и соединившийся с древнешумерским тэнгрианством, одним из верховных божеств которого был, как показал болгарский автор А. Илиев, Дингир-Тэнгир [Илиев, 2015].

Эта специфическая кочевническая форма митраизма является, на наш взгляд, не только западной ветвью тэнгрианства и зороастризма, как самой влиятельной и известной ветви религии западных, переднеазиатских, «ирано-персидских» ариев, оказавшей огромное влияние на христианство, но и важной составной частью тюрко-монгольского и евразийского тэнгрианства, имеющего общие корни с древнейшей религией сибирских, саяно-алтайских скифо-ариев и теле-уйгуров (известное во многих источниках «племя богатырей», от «багатур»//бога-тур//богатырь, т.е. «Небесный Бык»), протохакасских азов и чиков (саков) – первоначального хорско-гурского субстрата, создавшего арийско-туранскую цивилизацию, как этнокультурное ядро всей центрально-евразийской Мегацивилизации.

Выдающийся уйгурский ученый Тургун Алмас отмечал, что еще 10 тыс. лет назад племя *богатырей* двинулось со своей исторической родины в бассейне р. Тарим на север, на Алтай и далее – по Саяно-Алтайскому нагорью продвинулось до Байкала, в результате чего и сложилась туранская, тюрко-монгольская общность Внутренней Азии [Алмас, 2008]. В этногенетическом и этнокультурном отношении эта Прародина северных саяно-алтайских тюрко-монголов была тесно связана с Тибетом и древней Бактрией, название которой в свете вышеизложенного мы можем этимологизировать как «Багатурия», т.е. «Страна богатырей». Один из этих богатырей и изображен на Мадарском памятнике в Болгарии, который представляет собой типичного центрально-азиатского *батора* в образе солнечного божества, о чем свидетельствует нимб (аура) вокруг его головы, ныне разрушенный [Абаев, 2015].

Наши предыдущие исследования показывают и наличие многих других общих этноконфессиональных и этногенетических истоков арийско-туранской цивилизации Центральной и Внутренней Азии. Например, У. П. Бичелдей, основываясь на наших исследованиях, в докладе на 4-ой Международной тэнгрианской конференции в г. Улан-Батор (Монголия, 2013 г.) наглядно показала целостность тэнгрианско-буддийской цивилизации, ставшей

ядром этнокультурной традиции современных тувинцев, бурят-монголов, калмыков, алтайцев и других тюрко-монгольских этносов Внутренней Азии, сохранивших преемственность культурно-религиозных традиций от сибирских скифо-ариев, уйгуров, гуннов-хунну, монголов Чингис-Хаана [см.: Бичелдей, 2013; см также: Абаев, Опей-оол, 2009; Абаев, Фельдман, 2009]. При этом исследовательница отметила и родство этнокультурных традиций древних ариев, создавших зороастризм, митраизм, буддизм и другие этнокультурные вариации тэнгрианства как мировой религии, которое было выявлено в наших предшествующих работах.

Так, ранее мы уже указывали на связь космологической системы «трех миров» с триальной организацией древних ариев, в том числе сибирских скифов, подтверждается генеалогическими мифами скифо-сакских племен, связанными и с генеалогическими преданиями и легендами как прототюрков, так и прамонголов [Абаев, 2009; см. также: Абаев, 2005]. Согласно скифо-сакской мифологии, первым царем Скифии стал Колоксай – младший из трех сыновей предводителя скифов Таргитая, брат Липоксая и Арпоксая, прародитель рода паралатов [Абаев, 2005; Абаев, 2009]. «Колоксай» трактуется как «Солнце-царь», поэтому имя Колоксай приобретает космологическое звучание и потому позволяет видеть в нем воплощение верхней зоны мироздания. Только ему удастся овладеть упавшими с неба золотыми воспламеняющими предметами: плугом и ярмом, секирой и чашей, олицетворяющими три словесные роды скифского общества (рядовых общинников, воинов и жрецов). Вследствие этому он становится первым скифским царем.

Согласно этой традиции, Таргитай разделит Скифию между своими сыновьями на три царства, в крупнейшем из которых сохраняются почитаемые золотые реликвии. Род паралатов, который соответствует древне-иранскому, как «предустановленные, поставленные впереди») происходит от Колоксай. Он занимал высшее положение в трехчленной структуре скифского общества (цари и военная аристократия); в скифской цветовой символике им соответствует огненно-красные атрибуты Колоксай, описанные В. Флакком [цит. по: Абаев, 2005].

В поэме римского поэта Валерия Флакка «Агронавтика» в качестве одного из персонажей действует скифский военный вождь Колакс (тот же Колоксай). А на щитах отряда Колоксай сверкают оттенки красного, который является олицетворением огня, блистающих молний, золотисто-красных крыльев. Между тем, как уже было установлено Ж. Дюмезилем, символическим цветом варны воинов был красный или золотисто-красный цвет огня. Это дает веское основание полагать, что Колоксай, младший брат, ставший царем, был кшатрием, т.е. воином (ср. тюрк.-монг. Хор-огуз – Ухэрогуз, Укерогуз, Кыргыз).

Что же касается старшего брата Липоксая, предка рода авхатов, то его варновья принадлежность также выявляется при внимательном чтении поэмы В. Флакка. При этом Э. А. Грантовский обратил внимание на другого вожда скифов, седоволосого Авха (ср. тув. өгбе-предок, старец; бурят.-монг. абга-дед, прадед, дядя). У римского поэта он носит сложный головной убор, в точности соответствующий головным уборам жрецов у древних иранских народов. Седую голову он имеет не случайно. «По индоиранской традиции – писал Э. А. Грантовский – основатель и бог военной касты родился с волосами и бородой указанных оттенков красного цвета. Соответственно Авх, очевидно, основатель греческой касты, от рождения имел белые волосы» [цит. по: Абаев, Опей-оол, 2009]. Белый цвет у всех индоевропейских народов был цветом варны жрецов. Авх, или Липоксай, таким образом, брахман, а на долю среднего брата Арпоксая остается производство материальных благ, и он, стало быть, «труженник», что вполне может соответствовать понятию «арат» в тувинском, монгольском кочевническом обществе и понятию арий в широком смысле – как воин-пастух, исповедующий арийско-туранскую Солнечно-Небесную религию, т.е. Белую Веру как религию Света, одним из символов которой является белый цвет.

Арпоксай, в скифской мифологии – средний из трех сыновей Таргитая, брат Липоксая и Колоксая, прародитель скифского рода катиаров и траспиев. Это имя трактуется как «владыка глубин», что в контексте имен других братьев приобретает космологическое звучание и позволяет видеть в Арпоксае, воплощение нижней зоны мироздания. У В. Флакка сохранилось указание на существование в скифском мифе мотива сражения между Арпоксаем (Апром) и Колоксаем [Абаев, 2009]. При социальном толковании природы членения скифского общества на возводимые к Арпоксаю-Апроксаю и его братьям родов, по мнению некоторых ученых в потомках Апроксая следует видеть рядовых общинников, что подтверждается положительным толкованием их названий: «катиары и траспии» – «земледельцы и коневоды».

Особый интерес для выявления этногенетических истоков древних предков тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и их связей с монголами Чингис-Хаана представляет самый старший брат, прародитель скифского рода авхатов, выполнявших жреческие функции (т.е. брахмана, «шамана», «кама»). Согласно скифской мифологии, после неурочной попытки овладеть упавшими с неба золотыми священными предметами, Липоксай (Рипоксай) уступил владычество над Скифией младшему брату Колоксаю, который, судя по всему, фактически стал правителем лишь западной части скифской державы, т.е. Северным Причерноморьем. Эту версию можно поддерживать, сравнивая греческое название этой страны «Таврия» – «страна быков», что равнозначно самоназванию Осетия – «страна народа быков», т.е. осетинов, или иначе аланов. Аланы считаются самыми прямыми потомками причерноморских скифов. Существует мнение, что предки аланов до своего пришествия

на Северный Кавказ и в Восточную Европу жили в Центральной Азии, и, возможно, в горах Саяно-Алтая.

Какой же частью империи правил сам Липоксай и откуда, собственно говоря, пришли причерноморские скифы, саки, аланы (осетины) и другие воинственные «кочевники» арии? На этот вопрос дает ответ само имя старшего брата, однокоренное название с названием мифических Рипейских (Рифейских) гор, якобы расположенных у северных (точнее, северо-восточных) пределов обитаемой земли, т.е. Гипербореи, где по данным Геродота и других античных авторов, жили «люди с песьими головами и оленьими ногами» (ср. зимний наряд тувинцев-тоджинцев). В древнерусской религиозно-мифологической традиции Рипейские горы ассоциировались то с Карпатами, то с Уральским хребтом, возможно, с Алтаем. В античной и западноевропейской – с Альпами, Кавказом и Гипербореей, которая, якобы, находилась на севере, северо-востоке от основной части скифской империи, т.е. значительно восточнее и (или) севернее Уральских гор и Алтая. А это как раз приходится на Саяны, особенно – на Восточные Саяны и Тоджу, а также на запад этнической Бурятии и северо-запад Монголии (т.е. на историческую родину прото-монголов.

По другому, имя Липоксай объясняется как «гора-царь» и является воплощением средней зоны космоса. Однако, под «средней зоной» мироздания может подразумеваться центральная часть Евразии, населенная асами (асами-ясами-осетинами), произошедшими от древне-хакасских племен хасха-каска и этногенетически связанными с центральноазиатскими тюрками-огузами. На этногенетические связи племени авхатов Липоксая, с тюрко-монгольскими народами Центральной Азии указывают также и историко-лингвистические исследования в области индоевропейского, алтайского и протоуральского, а также ностратического языкознания. Возможна также интерпретация имени Липоксай как «Царь Волков» (от лат. *Lupus* – Волк), а это связывает данного персонажа с саяно-алтайским «народом волков» (четтибюр) и с бурят-монгольскими «волчьими» родами, от которых произошел род Небесного Волка предков Чингис-Хаана – борджигин.

Среди многих этнонимов, эпонимов и топонимов этого ряда прослеживается неизменное указание на горы и горно-таежную местность, находящуюся к северу от Великой Степи, т.е., опять же, на Алтай, Саяны, далее на Урал. На это указывают слова типа, «Сумеру» (тув. «Сумбер»; монг. «Сумбер»). Учитывая вышеизложенное, можно смело предположить, что Евразийская «кочевая» цивилизация первоначально возникла в горно-таежной, лесостепной зоне Южного Приуралья, растянувшегося до Саяно-Алтайского и Северо-Западной Монголии. При этом важную роль в переходе с арийско-туранской этнокультурной общности к кочевнической цивилизации сыграло тэнгрианство, в которой наряду с культом Неба особенно важное место зани-

мал культ священных гор. Это было в значительной мере связано также и с горным ландшафтом исторической родины народов тэнгрианской цивилизации и культуры, которую, таким образом, можно рассматривать и как Прародину самого тэнгрианства.

Об этом же свидетельствует, по мнению А. А. Соскала, недавние исследования вулканологов и генетиков, на основе которых автор выдвинул так называемую «вулканическую» теорию возникновения тэнгрианства в Восточной Туве (Одуген-Тайга) [см.: Соскал А.Б.А. Генофонд саянидов как культурное достояние тувинского народа. 1-4 октября 2015 г. IV Международная научно-практическая конференция «Биоразнообразие и сохранение генофонда флоры, фауны и народонаселения Центрально-Азиатского региона». - Кызыл, с. 37-40].

Эта концепция представляет большой интерес в связи с дискуссиями о времени и месте возникновения тэнгрианства. Как утверждает А. А. Соскал, генезис тэнгрианской мифологии древнейших предков тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая, в частности возникновения мифологемы «Одуген-Тайга», как собирательного образа Матери-Земли, было обусловлено вулканической деятельностью в Восточной Туве и особенно - в Тоджинской котловине, где и находится сакральная территория вокруг самой священной для всех тувинцев горы под названием *Одуген-Тайга*, которая по сути представляет собой ряд горных вершин, поросших лесом.

По мнению А. А. Соскала, именно активная деятельность вулканов в горах Восточного Саяна послужила основой для возникновения мифологических представлений о синергетической связи между стихиями подземного огня, который порождает Эрлик-Хаан, правитель подземного мира, и который вместе с расплавленной лавой вырывается через жерло вулкана, вступая в творческое взаимодействие с Небесным (Космическим) огнем и тем самым соединяя Землю-Мать с Небом-Отцом, священный союз между которыми и порождает Человека, как третий элемент тэнгрианской триады. А этот «Тройственный союз» главных космических сил и сущностей и является основой основ тэнгрианского мировоззрения, что вполне согласуется со взглядами современных отечественных и зарубежных тэнгриведов (Аюпов Н. Г., Абаев Н. В., Федорова Л. В., Бира Ш., Дашням Л. и др.) на основополагающие структурно-функциональные элементы тэнгрианства, среди которых фигурируют также культ Огня и культ Священных Гор.

Гипотеза А. А. Соскала согласуется также с точкой зрения современных вулканологов о том, что последние извержения вулканов на территории Тувы датируются временным периодом ок. 7 тыс. лет назад, а это соответствует взглядам ученых-тэнгриведов относительно времени возникновения тэнгрианства, которое примерно определяется эпохой перехода от палеолита к неолиту (в конце мезолита 10-7 тыс. лет назад происходит потепление, появляется скотоводство и земледелие, затем наступает неолит 6-5 тыс. лет назад, во

время которого в Тоджинской котловине на берегу озер Азас и Ходжир-хол существовала древняя *Танмакская* стоянка, датируемая эпохой неолита).

Привлекая данные генетических исследований, автор утверждает, что сложившийся в Саяно-Алтае этногенетический тип «саянидов», наиболее близок по своему генному набору к современным тувинцам и сойотам, а также к «америндам», т.е. американским индейцам, что позволяет ему проводить определенные культурологические параллели между этими этносами, в частности в области их религиозных верований и культов. Кроме того, автор увязывает мифологему «Одуген-Тайга» с возникновением у прототюрков и праомонголов горного дела, т.е. с плавкой и обработкой металлов, особенно – с железоделательным мастерством, которым славились все тюрко-монгольские народы [Соскал, 2015]. А это позволяет также увязать концепцию происхождения тэнгрианства с другой очень важной для этнокультурогенеза тюрко-монгольских народов мифологемой «Эргенекон» (бур.-монг. «Эргунэ-Хун»), как Прародины всех тюрков и монголов, которая, таким образом, определено может располагаться в Восточной Туве и которая непосредственно связана и с Прародиной их национальной религии, т.е. тэнгрианства, о чем мы уже неоднократно писали в своих предыдущих работах [см., например: Абаев, 2005; см. также: Абаев Н. В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай? <http://forum-eurasica.ru/>; Абаев Н. В. Урало-Алтай и Транс-Саяния – прародина татаро-монголов и тэнгрианства как мировой религии. <http://tatarkam.livejournal.com/>].

В связи с этим, мы должны отметить, что работы А. Соскала в данном направлении в методологическом и фактологическом отношении в целом правильно отражают основные идеи, которые были заложены в наших предыдущих историко-культурологических, религиоведческих и этнологических исследованиях, но, вместе с тем, приводят новые дополнительные аргументы из других негуманитарных наук, в частности генетики, биологии и вулканологии. Так, например, получила неожиданное подтверждение наша концепция о связи с тэнгрианством так называемой «огненной природы» монголов [подробнее см. Л. Л. Абаева, 2011], которая, как видим, имела уже в генотипе урянхайских предков, как всех тюрков, так и монголов Чингис-Хаана, т.е. «хребетных монголов», которые состояли из саяно-алтайских ойратов и урянхайцев. «Вулканическая теория» помогает также объяснить, почему в воинских культах древних ариев и туранцев очень важную роль играл культ Огненного Небесного Змея-Дракона, который почитался в тайных воинских союзах и обществах как Бог войны.

Результаты сравнительного анализа культа «Неба» в традиционном Китае и в этом регионе самого раннего бытования и распространения тэнгрианства, который связан с жизнью и деятельностью монголоязычных и тюркоязычных народов (Внутренняя Азия, в особенности – Саяно-Алтай), тоже под-

тверждают теорию о южно-сибирском происхождении как тэнгрианства, так и самого феномена евразийского пастушества. Кроме того, они доказывают, что у теонимов «тянь» и «тэнгэр», «тэнгри» общие истоки [Абаев, Фельдман, 2009]. Как известно, один из важнейших терминов религии и философии традиционного Китая «тянь», обозначающий «небо», представлял собой смысловую и сущностную многозначимость. Здесь имеются значения и «природа», и «бог», «и божество», и «сезон», и «день», «дневной свет», из чего могло возникнуть представление о «божестве света», сопоставимого с Верховным божеством национальной религии древних евреев – Яхве (Иегова), а также о «Боге Солнца» в религии древних ариев Хор-Мазд, Митра (ср. тув. Курбусту).

В древнекитайской концепции «Неба-тянь», так же как и центрально-азиатское тюрко-монгольское понимание «Неба-тэнгри», понималось как представление о «верховном божестве», мужском сверхъестественном начале, «супер-силе», несущей в себе весь набор качественных характеристик, «тяготеющих» к монотеизму. Исключительно важное значение в обеих культурно-религиозных традициях имели также представления о верховном правителе как о «Сыне Неба», которому Небо-Отец делегирует часть своих функции [Абаев, Фельдман, 2009]. Наше определение китайского тэнгризма как «тяготеющего к монотеизму», тем не менее, опровергает существующее в современном тэнгриведении мнение о правомерности определения тэнгрианства как сугубо монотеистической религии, или противоположного утверждения, что под «религией Вечного Синего Неба» подразумевается «политеизм» и «обыкновенный шаманизм». Скорее наоборот, мы воздерживаемся от безоговорочного определения этого учения как монотеистического и придерживаемся более взвешенного определения - «диалектический монизм с акцентом на понятии Единого как Абсолюта, объединяющего все противоположности, в том числе противоречие между монотеизмом и политеизмом, снимая это противопоставление в диалектике синергетического взаимодействия всех дуальных противоположностей, на уровне Абсолюта, который содержит в себе и гармонизирует все дуальности, будучи сам принципиально не-дуальным, а потому его нельзя назвать ни монотеизмом, ни политеизмом, но можно назвать Тенгри (тув. Дээр – «находящийся наверху», т. е. Всевышний), который по определению находится «над» всем феноменальным миром со всеми его противоположностями и оппозициями».

Выявленные параллели и взаимосвязи позволяют также сделать некоторые предположения об историко-генетических связях между культом неба в Китае, древнекитайским даосизмом и тюрко-монгольским тэнгрианством, которые подтверждаются общностью этимологии китайского иероглифа «Дао» и саяно-алтайских петроглифов, обозначающих «Оленя Золотые Рога», как главного тотемного божества древних скифов и тюрко-монголов, отраженного в культе Матери - Прародительницы Алан-Хоо (Алан-Гоа – Мать-Оленуха,

или Марал-Гоа). Таким образом, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что тюрко-монгольское тэнгрианство представляет собой культурно-исторический вариант арийско-туранской «Небесно-Солнечной» религии, сформировавшейся именно в горно-таежной зоне Южной Сибири на основе космологической системы аборигенных этносов, где культ гор играл исключительно важное место. В связи с древними вулканами Тоджи и митраизмом уместно будет напомнить миф о Солнечном божестве, которое по утрам восходит из жерла вулкана на небо верхом на олене, чтобы вечером через тот же вулкан вернуться в подземный мир. На наш взгляд, этот миф является древнейшим тэнгрианским архетипом эпохи арийско-туранского единства, сибирские скифо-арии населяли Туву и смешивались с автохтонным населением, в частности с самодийским, в результате чего и сформировался антропологический тип тувинцев-тоджинцев, который унаследовал также гены саянидов.

В связи с этим интерес представляет также теория академика Ш. Бира, согласно которой культ Неба был привнесен в древний Китай племенами чжоу, которые первоначально были типичными центрально-азиатскими номадами, и пришли с Запада, создав одноименную династию, что вполне согласуется с концепцией о генетических связях религии ариев, в частности и в особенности – митраизма, как ее особой ветви, с тюрко-монгольским тэнгрианством и национальной религией тибетцев Бон, в свое время выдвинутой Л. Н. Гумилевым и Б. И. Кузнецовым [подробнее см.: Аверьянов, Абаев, 2015; см. также: Абаев, 2015].

Предположение о влиянии Бон на китайский культ Неба явилось еще одним подтверждением теории о существовании единого центра формирования кочевнической цивилизации, в котором еще раньше, т.е. до перехода сибирских охотников к кочевничеству, сложился общий ностратический праязык и возникает общая небесно-солнечная, т.е. тэнгрианско-арийская религия. Вместе с тем, заслуживает внимание и наше предположение о том, древнекитайский тэнгризм сложился на основе взаимодействия и синтеза двух самостоятельных, но родственных этноконфессиональных традиций общей арийско-туранской религии, одним из центров которой была Южная Сибирь и Протоуралия (возможно, этот центр этнокультурогенеза был самым ранним и этногенетически связанным с Тазминской культурой Хакасии, с одной стороны, и Ботайской культурой Северного Казахстана), а другим центром – Памирско-Ферганская долина с прилегающими к ней этнокультурными ареалами древнего Тибета, в свою очередь связанными с территориями древней Бактрии, Элама, Мидии, Шумера и Циркумпонтийского треугольника Р. Нейковой [Нейкова, 2013], с которым этногенетически и культурно-исторически были тесно связаны и протоболгары, о чем наглядно свидетельствует символика Мадарского Всадника.

В результате наших исследований и анализа символики Мадарского Всадника, были также обнаружены и выявлены очень тесные этнокультурные связи бурят-монгольского племени булагатов с протоболгарами, а у древних хакасских азов – с болгарской династией Асеней (тюрко-монгольское Ашина) и с именем хана Аспаруха. В 681 г. византийский император Константин IV, разгромленный войсками хана Аспаруха (680-700) недалеко от устья Дуная, подписал договор, по которому был вынужден платить годовой налог болгарскому хану. Этот факт стал официальным признанием существования нового болгарского государства называемого «Первым болгарским царством» [Коваль, с. 145].

После смерти Аспаруха болгарский престол принял Тервел, который помог Юстиниану II стать базилевсом Византии, за что в благодарность, кроме щедрого вознаграждения, хан получил титул цезаря, второй (после базилевса) в византийской иерархии, что было первым случаем, когда такого звания удостоился иностранный правитель. Титул базилевса получил Симеон I Великий (864-924), который тем самым был признан византийским императором «равным себе» [Коваль, с. 146].

По распространенному в современной науке мнению, базилевс (греч. также базилей, базилевс, василевс) — монарх с наследственной властью в Древней Греции, а также титул византийских императоров. В Микенскую эпоху (XV-XI вв. до н. э.) слово «базилевс» (в то время — qa-si-re-u), судя по найденным глиняным табличкам, относилось к вождю, главе сообщества, человеку, имеющему власть ниже царской. Базилевсом также назывался военный глава союза племён. При византийском императоре Ираклии (610—641 гг.), с разгромом Сасанидской империи, титул базилевс (точнее, базилевс базилеон — «царь царей») стал официальным титулом правителя Византийской империи, поскольку раньше принадлежал сасанидам.

Ввиду этого мы считаем, что изображение льва, поверженного Мадарским Всадником на барельефе (под ногами его коня), символизирует титул византийского императора, т.е. базилевса, который получил болгарский хан. А его поражение символизирует летящеюна уровне головы всадника гибридное существо с крыльями в виде мифической собако-птицы «Симаргл» («Симург»), сочетающей в себе черты птицы и собаки или птицы и льва, которая изображена правее головы всадника [Коваль, с.139-143].

Одновременно эта амбивалентная полусобака-полуптица символизирует победу болгарского хана над базилевсом и получение им совершенно легитимной власти над болгарским царством, причем А. С. Коваль привносит в этот образ христианский смысл: «как символ между Небом и Землей и символ власти Неба на Земле, Симаргл перекочевал в христианскую мифологию правда его немножко усовершенствовали из собаки-сокола, его усилили более могучими лапами льва и более могучими крыльями орла. В средневековом церковном искусстве грифон становится очень распространенным персо-

нажем и, будучи образом амбивалентного характера, с одной стороны, символизирует Спасителя, а с другой – тех, кто подавлял и преследовал христиан, поскольку являет собой сочетание хищного орла и свирепого льва» [Коваль, с. 145].

Полностью соглашаясь с интерпретацией автора, мы должны отметить, что она вполне пригодна для уже полностью христианизированного болгарского общества. Но в момент создания данного памятника болгары еще сохраняли традиционный тэнгрианско-митраистский смысл символики, тем более – связанной с образом своего хана-богатыря, тэнгрианского рыцаря и героя, защитника и спасителя своего народа, изображенного здесь в образе Солнечного Бога «военной удачи и договора», каковым представлялся им грозный Митра, одной из функций которого был контроль за неукоснительным соблюдением договоров и клятв. Поэтому с тэнгрианской точки зрения он действительно соединяет Небо и Землю, получая от них свою харизму и власть. А то, что эта символика перешла в христианство, представляется совершенно закономерным, поскольку митраизм оказал огромное влияние на раннее христианство, привнеся в него свою тэнгрианскую символику.

Что касается собаки, бегущей чуть позади всадника, то мы считаем, что это – тот самый боевой пес (сторожевая, пастушеская собака), который сопровождал и легендарного прародителя «золотого рода» Чингисхана борджигин, которого звали Борте-Чино и который, согласно генеалогическим легендам, пришел из Тибета. Само имя Борте-Чино обычно переводится «Серый Волк», но наличие у бурят-монгольского племени эхиритов рода борсэ-шоно, произошедшего согласно генеалогическим легендам от тотемного предка Шоно-Батора («Волк Богатырь»), позволяет предположить, что в имени предка Чингисхана подразумевается один и тот же тотемный предок, имевший облик волка-собаки (ср. русское название «борзая»).

В генеалогическом мифе о «Небесном» происхождении царского рода Чингисхана, зафиксированном в летописи «АлтанТобчи» Мэргэн Гэгэна (18 в.), повествуется о прародителе рода Чингис-Хаана борджигин – Бортэ Чино, «тибетском царевиче», пришедшем с Юга к монголам из Тибета (т.е. с Верховьев Хуанхэ, где проживали потомки гуннов-хунну, еще раньше заключившие династийные браки с протомонголами-сяньбийцами), который пересек «Тенгис-Далай» - «Небесное Море» и вступил в брачные, династийные и военно-политические союзы с правящими родами местных племен.

Мэргэн Гэгэн, развивая теорию о тибетском происхождении БортэЧино, который, якобы, принадлежал к династиям тибетских и индийских царей, писал, что «имя Бортэчино получилось от ошибочного написания /слова/ Мукрицамбо» [Балданжапов «Алтан Тобчи», 1970, с. 33]. В данном случае явно прослеживается «обоснование» идеи происхождения монгольских ханов от тибетских и индийских царей путем отождествления имени Бортэ Чино с

именем тибетского принца Мукридзамбу [там же, с. 25]. Если, таким образом, можно было «перепутать» два совершенно непохожих по звучанию имени, то наша версия о том, что название Баргузин в монгольских летописях смешивалось и «путалось» с наименованием царского рода Чингисхана борджигин выглядит более чем убедительной, тем более, что оба названия связаны с именем БортэЧино, которое в диалектном произношении весьма похоже на оба названия.

Как отмечает А. С. Коваль, на барельефе Мадарского Всадника изображена именно борзая собака, но мы считаем, что здесь изображены два совершенно самостоятельных образа, включающих в себя образ собаки и полуптицы-полусобаки, причем та собака, которая следует за всадником, является символом совершенно реального боевого тибетского пса, который действительно сопровождал наших богатырей в их походах. Именно от этих псов и произошла современная бурят-монгольская сторожевая пастушеская собака «хотошо», название которой примерно можно перевести как «боевой пес, который сразу бросается на врага и хватает его за горло».

При этом, когда мы имеем в виду связь этой собаки с тотемным Небесным Волком, то следует напомнить, что у бурят-монголов существовала так называемая Небесная Собака, которая фактически представляла собой результат смешения двух тотемных предков - собаки и волка, произошедшего в процессе взаимодействия прототюркских и прамонгольских племен с тибетскими племенами. Здесь необходимо также учитывать, что название борзая является производным от общетюркского слова «бүре» (волк), от которого произошло множество тюрко-монгольских этнонимов, политонимов, личных имен, топонимов (ср. топоним Борзя на территории Бурятии). Например, этно-политоним Бурят-Монголия происходит от домонгольского названия этнонима «бурут», который в монгольских языках имел свой аналог – «шоно». В V веке династия Ашина (болг. Асени) основала Тюркский каганат, в который впоследствии вошли и протобурятские племена, в том числе племя булагатов, которое, как отмечают источники, представляло собой гунно-булгарское племя, взятое в плен тюрками-ашина и, вероятно, переселенное на территорию нынешнего проживания в бассейне р. Ангары [Малявкин, 1989].

Таким образом, Мадарский Всадник свидетельствует о сложных, многообразных и длительных связях между протоболгарами и другими народами Евразии – фракийцами, славянами, тибетцами, шумерами, ираноязычными ариями, сибирскими скифо-ариями и азами, предками современных хакасов, бурят-монголами и др. Например, еще во фракийский период на территории современной Болгарии существовали артефакты – глиняные сосуды, на которых изображены такие символы древнеарийской и тэнгрианской религии, как свастика и тэнгрианский крест.

Ярким свидетельством того, что эта древняя религия не только сохраняется, но и развивается после длительного времени забвения, является существ-

зование в современной Болгарии эзотерической традиции колобров, тэнгрианских жрецов-солнцепоклонников [см., например: Spas Mavrov, 2007].

Само название этой страны – «Болгария» особенно близко сердцу представителей бурят-монгольского племени булагатов, которые имеют непосредственные этнокультурные связи как с древними гуннами-хунну, так и с болгарской династией Асений. Само название страны Болгария, как мы думаем, непосредственно связано с общеевразийским корнесловом «bull» - «бык», которое присутствует и в этнониме булагат.

В эпоху Чингис-Хаана центрально-евразийские номады, исповедующие религию Вечного Синего Неба, довольно охотно обращались и к христианству, что вполне объяснимо в свете вышеизложенного, а также того достаточно известного факта о влиянии на христианство синкретической митраистско-тэнгрианской религии. При этом различные монгольские племена, вошедшие в Империю Чингис-Хаана (найманы, кереиты, меркиты и др.) тяготели больше всего именно к восточной ветви христианства, известной под названием несторианство, поскольку именно в несторианстве, в отличие от других официально-признанных на Ближнем Востоке учений, в нем была очень акцентирована идея социальной справедливости, равенства и гармонии. Кстати, эти идеи были уже в глубокой древности подхвачены многими другими тайными, неортодоксальными «ересями» и сектами, «неформальными» и зачастую оппозиционными господствующим религиозным и идеологическим системам, объединениями и обществами синкретического характера, которых было великое множество на всем протяжении Великого Евразийского коридора (см., напр., эзотерические религиозные общества буддийской и даосской ориентации в Китае, Корее, Японии и т.д.) и в которых причудливо переплетались и совмещались даосские, манихейские, несторианские, буддийские и др. концепты и ритуалы, возникшие в Передней Азии.

Литература

1. Абаев Н. В. Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005.
2. Абаев Н. В. Цивилизационная геополитика народов Алтай-Байкальского региона и Центральной Азии. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2007.
3. Абаев Н. В. Тэнгрианский культ священных гор в связи с генеалогическими мифами скифов. - «Социальные процессы в современной Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009.
4. Абаев Н. В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай? <http://forum-eurasica.ru/>.
5. Абаев Н. В. Урало-Алтай и Транс-Саяния – прародина татаро-монголов и тэнгрианства как мировой религии. <http://tatarkam.livejournal.com/>.
6. Абаев Н. В. О чем поведал Мадарский всадник участникам V-й Международной конференции по тэнгрианству в Болгарии (г. Варна).- <http://tengrifund.ru/madarskij-vsadnik.html>
7. Абаев Н. В. Тэнгрианско-митраистская символика Мадарского всадника в Болгарии в контексте евразийских связей //Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Мат-

лы междунар.науч. конф., посвящ. 20-летию Бурятского гос.ун-та (Улан-Удэ, 30 сент. - 1 окт. 2015г.). – Улан – Удэ: Изд-во БГУ, 2015.

8. Абаев Н. В., Опей-оол У. П. Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009.

9. Абаева Л. Л. Этническая культура монгольских народов в контексте буддийских традиций и современной науки // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6 Философия, социология, политология, культурология. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011.

10. Aбаeva L. Religious identity of indigenous peoples in Central Asia and Siberia in the modern time. - Karadeniz. Black Sea. - Vol. 19, 2013.

11. Абаев Н. В., Фельдман В. Р. Древнекитайская концепция «неба» и «тэнгри» у тюрко-монголов. – «Социальные процессы в современной Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009.

12. Аверьянов Б. В., Абаев Н. В. Митраизм в символике Мадарского всадника (по материалам 5-й международной конф. по тэнгрианству в Болгарии) // Межкультурная коммуникация: основы дидактики. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015.

13. Бакалов Г., Владимиров Г. Болгары. Съединение то прависилата (Единство права и силы). – София: ТанграТанНакРа ИК, 2013.

14. Бичелдей У. П. Тюрко-монгольское тэнгрианство как культурно-исторический вариант арийско-туранской «небесно-солнечной» религии. – Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. 4-я Межд. науч.-практич. конф. (09-10 октября 2013г., г. Улан-Батор, Монголия.

15. Гумилев Л. Н. Древнемонгольская религия // Доклады Геогр. Об-ва СССР. - Вып. 5. - Л., 1968.

16. Гумилев Л. Н., Кузнецов Б. И. Две традиции древнетибетской картографии // Вестник ЛГУ. - № 24, 1969.

17. Илиев А. Л. Тангра и болгары // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы 4-ой Межд. науч.-практич. конф., 09-10 октября 2013 г. - Улан-Батор, 2013.

18. Илиев А. Эпос Гильгамеша как источник мифологического и исторического доказательства существования шумерского бога Нин-Дингир, прадеда Тэнгрианства. Материалы 5-ой Межд. науч.-практич. конф., 20-25 сентября 2015 г. Варна (Болгария). – София: БЪДНИК, 2015.

19. Кляшторный С. Г. Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи // Степные империи Евразии. - СПб., 1994.

20. Коваль А. С. Симаргл или Василевс (Посланник между небом и землей). - Материалы 5-ой Межд. науч.-практич. конф., 20-25 сентября 2015 г. Варна (Болгария). – София: БЪДНИК, 2015.

21. Кузнецов Б. И., Гумилев Л. Н. Бон (древняя тибетская религия) // Доклады Геогр. об-ва СССР. - Вып. 15.- Л., 1971.

22. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.

23. Нейкова Р. «Не унижайте наших богов...» // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы 4-ой Межд. науч.-практич. конф., 09-10 октября 2013 г. – Улан-Батор, 2013.

24. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881.

25. Соскал А-Б. А. Генофонд саянидов как культурное достояние тувинского народа. 1-4 октября 2015 г. IV Международная научно-практическая конференция «Биоразнообразие и сохранение генофонда флоры, фауны и народонаселения Центрально-Азиатского региона». – Кызыл, С. 37-40.

26. Федорова Л. В. Сакральное в идеологии евразийства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2013.

27. Шантепи Д. П. де ля Соссей. Иллюстрированная история религии. Т. 2. – М., 1899.

Абаев Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: kol-bugra@yandex.ru

Abaev Nikolai V. – Doctor of History, Professor, the Head of Laboratory of Civilizational Geopolitics, Inner Asia Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: kol-bugra@yandex.ru